
ГЕНДЕРНО-ЧУВСТВИТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА ЯЗЫКА КАК ЭЛЕМЕНТ ГЛОБАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНОГО ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

А.В. Толстокорова

В данной работе поднимается вопрос о необходимости разработки гендерного подхода к языковой политике с целью преодоления социального эффекта лингвистического сексизма в постсоветских государствах. Важным направлением в осуществлении этого процесса является изучение зарубежного опыта гендерно-чувствительного реформирования языка, поскольку его критическое использование позволит предвидеть возможные проблемы на этом пути и своевременно их избежать. Для преодоления гендерно-дискриминационных лингвистических практик в глобальном масштабе предлагается разработать и придать юридический статус гендерному аспекту лингвистических прав человека.

Ключевые слова: дискриминационный язык, гендерно-чувствительная реформа языка, лингвистический сексизм, лингвистическое равноправие, гендерный подход к лингвистическим правам человека

Введение

Глобализация экономических и социальных процессов способствовала активной интеграции женщин в сферу общественных отношений и вызвала радикальные ценностные трансформации в социуме, в том числе и в области языка как социального конструкта и мощного инструмента структурирования массового сознания. Новые социально-экономические взаимоотношения эпохи глобализации обострили актуальность проблемы лингвистического

Автор выражает признательность Британскому Совету и Шведскому институту за предоставление условий для работы над данной статьей.

равноправия полов, поставив на повестку дня вопрос о необходимости визуализации женской коммуникативной парадигмы в языке социума и интеграции ее в лингвистические ресурсы национальных культур. Данная статья посвящена анализу манифестации принципа гендерного равенства в языке как необходимого условия обеспечения социальной справедливости в обществе и основы для реализации социальной политики в демократическом государстве.

Процесс глобализации имеет свои лингвистические последствия, обусловленные, с одной стороны, общей социальной функцией языка как общественного явления, а с другой стороны, взаимоотношениями между отдельными языками и их носителями, национальными государствами и глобальным рынком [Dor, 2003]. В ходе научного обсуждения лингвистического эффекта глобализации были легитимизированы такие понятия, как языковое разнообразие и плюрализм, лингвистическая демократия и равноправие, лингвистические права и обязанности [Kibbee, 1996; Kontra et al., 1999; Phillipson, 2000; Skutnabb-Kangas, Phillipson, 1995; Tollefson, 1999]. Они появились в результате сопротивления лингвистической глобализации со стороны поглощаемых ею языков. Ключевым понятием здесь выступает «лингвистическая дискриминация личности» на основании таких признаков, как расовая и этническая принадлежность, физическая дееспособность, возраст и пол. Основной формой ее проявления являются различные разновидности дискриминационного языка, например лингвистический расизм, эйджизм, сексизм¹. Последняя из них имеет также и другие названия: языковой андроцентризм, гендерно-специфический, гендерно-эксклюзивный, гендерно-асимметричный язык.

Проблема лингвистического сексизма особенно активно разрабатывается в русле феминистской лингвистики, трактующей гендерную асимметрию языковой системы как проявление лингвистической дискриминации по признаку пола, для преодоления которой предлагалась гендерная коррекция андроцентричного лингвистического мышления. Исходным тезисом этого направления исследований является утверждение, что в языке патриархальной цивилизации лингвистическая манифестация «женского» является неприемлемо недостаточной. Женское видение мира и жизненный опыт, перцепции и приоритеты, как правило, в нем игнорируются. Исключение «женского» из лингвистического репертуара социума приводит к восприятию женской личности как второстепенной, не имеющей самостоятельного значения, несущественной.

Исследования показывают, что сексистские тенденции в языке имеют универсальный характер. При этом отмечаются всеобщие закономерности их проявления, к которым в первую очередь относится восприятие мужского начала как общественной нормы, а женского – как отклонения от нее, что особо отчетливо манифестируется на морфологическом и лексико-семантическом уровнях. Кроме того, мужское как правило ассоциируется с положи-

---

¹ Расизм – дискриминация по признаку расовой и национальной принадлежности; эйджизм – дискриминация по признаку возраста; сексизм – дискриминация по признаку пола.

системному правописанию [Miller, Swift, 1974], ставшее первой официальной попыткой систематизированного очищения литературного английского языка от гендерно-дискриминационных штампов.

В середине 1970-х годов, после массовой дискуссии по проблемам лингвистического сексизма в прессе и академической среде, был поднят вопрос о необходимости включения положения о гендерно-корректном языке в статусы и этические кодексы профессиональных ассоциаций, объединений, союзов, обществ. В числе первых сторонников этого начинания следует назвать Национальный совет учителей английского языка, Американскую философскую ассоциацию и Лингвистическое общество Америки, учредившее собственный «Комитет по вопросам статуса женщин в лингвистике». Позже к их числу присоединились и многие другие: Ассоциация издательств американских университетов, Ассоциация женщин-психологов, Национальный комитет по вопросам женщин в государственном управлении.

Легитимизация профессиональными объединениями США правил гендерной корректности в языке их документации, научной продукции и повседневном дискурсе привлекла внимание к проблеме лингвистического сексизма ученых из различных областей знаний и дала импульс к формированию самостоятельного направления исследований. В свою очередь, активизация интереса к этой проблеме в академической среде потребовала изменений в учебном процессе и администрировании университетов, где начали формироваться комитеты и рабочие группы, взявшие на себя функции разработки правил корпоративной «политики равных возможностей», благоприятной для женской аудитории. По их инициативе стала проводиться гендерная экспертиза языка и названий учебных курсов, учебников и учебных материалов, университетской документации. Во второй половине 1970-х годов большинство самых солидных либеральных американских университетов институционализировали новые правила гендерной корректности в языке. Как правило, этими вопросами занимались женские объединения, преследовавшие мысль, что в результате лингвистических реформ в университетах и на институциональном уровне вообще должны постепенно reformироваться языковые практики общества в целом, что, в свою очередь, приведет к изменению сознания людей в направлении более благоприятного отношения к гендерной лингвистической этике. Обсуждение социального эффекта лингвистической формы гендерной дискриминации стало модным и популярным и переросло в национальную дискуссию, поддержанную средствами массовой информации [Key, 1986; Miller, Swift, 1977].

В 1976 году в США была опубликована первая научная монография, посвященная вопросам гендерного равенства в языке [Miller, Swift, 1977], которая стала серьезным аргументом в процессе институционализации гендерной лингвистической этики и заложила основы для разработки руководств по гендерно-корректной речи в других языковых культурах.

Уже в начале 1980-х годов гендерное языковое реформирование в США получило возможность опираться на достижения современной компьютер-

ной технологии, поскольку стала внедряться гендерная экспертиза языка официальных документов с применением специально разработанного для этих целей программного обеспечения. Важным вкладом кампаний, направленных против лингвистического сексизма, стал пересмотр названий 3 000 профессий, проведенный Департаментом труда США с целью заменить гендерно-эксклюзивные названия профессий на их нейтральные эквиваленты и тем самым способствовать установлению гендерного равенства на рынке труда. Кроме того, лингвистические преобразования затронули структуру самого департамента, в котором гендерно-сомнительное название одного из подразделений – Labor Manpower Administration (буквально – Администрация по вопросам мужской трудовой силы) – было заменено на Employment and Training Administration (Администрация по вопросам трудоустройства и профподготовки) [Bolinger, 1980. P. 94].

В целом 1970-е годы были периодом активных гендерных преобразований в языковой политике и практике США. По свидетельству исследователей [Key, 1986. P. 140; Romaine, 1999], в это время правительственные учреждения, бизнес-структуры, школы вносили изменения в свои деловые документы и бланки, чтобы включить в них лексику, относящуюся и к мужчинам, и к женщинам. Всевозможные комитеты диагностировали учебники, газеты и журналы на предмет наличия в них гендерно-проблематичных языковых моделей. На этой основе составлялись списки типичных сексистских штампов и предлагались их возможные гендерно-нейтральные варианты. Популярная серия книг о знаменитостях в науке и технике, на протяжении 65 лет известная как «American Men of Science» («Американцы в науке»), была переименована в «American Men and Women of Science» («Американцы и американки в науке»). Корректировались названия должностей, ученых званий, наград. Например, национальный конкурс «Man of the Year» («Человек / мужчина года») стал называться «Person of the Year» («Личность года»). Городские и федеральные власти разрабатывали рекомендации по гендерному речевому этикету для своих сотрудников. Например, в Гонолулу был создан специальный Комитет по вопросам статуса женщин, который разработал рекомендации по гендерно-корректному языку для сотрудников городской администрации. Тенденция демократических преобразований в языке затронула даже сферу бизнеса и торговли.

Сегодня большинство издательств США принимают рукописи к печати при условии, что они не содержат андроцентричных языковых штампов. Руководство ведущих американских газет *Washington Post*, *The New York Times* и *The Los Angeles Times* снабжает своих сотрудников памятками с напоминанием о недопустимости сексистского языка в их публикациях.

Другой страной, значительно преуспевшей в гендерном лингвистическом реформировании, является Австралия. Формирование политики недискриминационного использования языка началось здесь в середине 1970-х годов. Уже в 1976 году учебный центр в Канберре опубликовал «Руководство по устранению сексистской направленности в учебных материалах и продук-

ции средств массовой информации». Наиболее активная разработка и распространение материалов по гендерной корректности речи приходится в Австралии на начало и середину 1980-х годов [Pauwels, 1987. P. 22]. Усиление внимания к этому вопросу отмечается в 1983 году, после подписания правительством страны Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации относительно женщин (CEDAW) и введения гендерного законодательства как на государственном, так и на федеральном уровнях. Инициатива по формированию гендерного сознания общества через языковую реформу шла как «сверху», то есть от правительственных структур, так и «снизу», от гражданского общества и системы образования. В 1984 году Федеральное правительство Австралии приняло специальный акт, направленный на устранение сексистских штампов в языке государственных документов. В том же году вопрос о дискриминационном языке поднимался в сенатском отчете по национальной языковой политике Австралии, рекомендовавшем необходимые меры по искоренению расистского и сексистского языка как из публичного, так и из частного пользования. Сегодня в австралийском правительстве существует специальная должность советника по вопросам лингвистического сексизма.

Значительный прогресс в вопросе о соблюдении гендерного равенства в языке был достигнут в Австралии благодаря изменениям в положениях законодательства относительно практики объявлений о трудоустройстве. «Руководство по преодолению гендерной дискриминации в рекламе рабочих мест и в рекрутинговых компаниях», опубликованное в 1983 году, содержало советы работодателям и рекламным агентствам о том, как избежать сексистских языковых штампов в объявлениях о приеме на работу и при проведении интервью [Pauwels, 1987. P. 22]. Согласно «Акту о дискриминации по признаку пола» (1984), как работодатель, так и издатель, публикующие объявления о наличии рабочих мест с использованием гендерно некорректных выражений, в одинаковой мере несут ответственность перед законом. В феврале 1986 года Австралийский совет профсоюзов издал собственное пособие по несексистскому языку, которое предлагалось для использования во всех сферах его функционирования в этой организации: в правилах профсоюза, его публикациях, деловой корреспонденции, межличностном общении между коллегами и членами профсоюза, титулах, наградах.

Важным направлением языковой реформы в Австралии стали средства массовой информации и издательский бизнес. Пособия по стилистике для работников печати и издателей правительственных публикаций, которыми зачастую руководствуются организации и индивиды из многих других сфер деятельности, обычно включают в себя главы по гендерно-инклюзивному языку. В 1977 году Ассоциация австралийских журналистов издала для своих членов специальный документ по несексистскому правописанию. В 1984 году два центральных радиовещательных органа страны – Австралийская радиовещательная корпорация и Австралийская радиовещательная комиссия – ввели в употребление собственные руководства, которые впоследствии активно использовались коммер-

ческими радио- и телекомпаниями. Большинство департаментов образования и высших учебных заведений Австралии разработали положения о недискриминационном использовании языка и включили их в свои этические кодексы. В 1983 году даже австралийский национальный гимн был подвергнут гендерной экспертизе, в результате которой его первая строка «Australian sons let us rejoice» («Радуйтесь, сыны Австралии!») была заменена гендерно-инклюзивной «Australians all let us rejoice» («Радуйся, вся Австралия!»).

Необходимо отметить важную роль, которую сыграла в очищении языка от проявлений гендерной дискриминации христианская церковь Австралии, в частности целевая группа «Язык и литургия», опубликовавшая работу [Ford et al., 1987], в которой поднимались вопросы сексизма в языке церковных литургий и предлагались альтернативные гендерно-справедливые способы выражения мысли.

Вообще значение церкви в процессе языкового реформирования в христианских англоязычных странах нельзя недооценивать. Скорее, можно предположить, что его успех в том или ином обществе во многом связан со степенью влияния в ней церкви как основного идеологического института, традиционно пользующегося доверием западного общества в качестве законодателя этических норм. На наш взгляд, этим можно частично объяснить тот факт, что гендерная либерализация языковых ресурсов была более результативной и получила более массовую поддержку в тех странах, где роль христианских ценностей в формировании нравственных устоев общества достаточно высока. Например, в США и Австралии она была более активной и продуктивной, чем в Британии, где традиционная христианская мораль утратила свою социальную значимость, а новая гражданская этика еще не создана. Этический вакуум последних десятилетий, неприятие самого понятия «политической корректности» [Dupant, 1994. P. VII–VIII] и отсутствие устойчивых этических критериев поведения в современном британском обществе не позволили развиться здесь основной феминистской идее уважения общества к правам женщин (которая, собственно, родилась именно в Англии), что сказалось на спаде активности женского движения в целом и консервативности гендерной демократизации лингвистических ресурсов, в частности.

Вопрос о лингвистическом сексизме встал в Британии в контексте разработки гендерных положений трудового законодательства и был вызван необходимостью легитимизации положения женщин на рынке труда и урегулирования производственных прав полов. В Британии это произошло несколько раньше, чем в других европейских странах – уже в 1977 году. Комиссия равных возможностей издала руководство по правилам рекламирования рабочих мест, разработанного на основании «Акта о дискриминации по признаку пола», принятого в 1975 году [Hellinger, 1989. P. 278]. Согласно этому документу неодинаковое отношение к гражданам на основании их пола является противозаконным как в области трудовых отношений, так и в сфере образования, профессиональной подготовки, обеспечения социальных услуг, материальных благ и других льгот.

Начиная с середины 1970-х годов различные организации Британии стали издавать собственные руководства по корпоративным правилам лингвистической этики. Принципы внутренней политики гендерно-корректного использования языка были утверждены в документации ряда прогрессивных британских университетов, многих профсоюзов, ассоциаций и объединений, общественных корпораций Британии. Сегодня соблюдение этих принципов является обязательным даже для сотрудников социальных служб и органов полиции. Многие средства массовой информации, издательства, редакции, отдельные трудовые коллективы следуют гендерно-недискриминационным правилам языка и коммуникации, как, например, Британская радиовещательная корпорация (BBC).

Тем не менее британские сторонники гендерного лингвистического реформирования с сожалением признают, что темпы языковой реформы в этой стране вряд ли можно признать удовлетворительными, особенно если сравнивать их с результатами гендерно-чувствительных реформ английского языка в США и Австралии. В то время, например, как члены Лингвистического общества Америки поддержали идею гендерного реформирования языка, члены Лингвистической ассоциации Британии отвергли поступившее в 1984 году предложение изменить название должности ее председателя на гендерно-приемлемое и принять поправки к конституции этой организации о недопустимости гендерно-дискриминационного языка [Cameron, 1995. P. 19]. В воздушных силах королевства – в Британском национальном корпусе и компании «Британские авиалинии» – гендерно-нейтральные названия профессий, например «обслуживающий персонал полета» (*flight attendant*), являются менее принятыми, чем их гендерно-эксклюзивные варианты «стюардесса / стюард» (*stewardess / steward*), в то время как в США они являются нормативными, а последние могут использоваться только в неформальном общении [Romaine, 1999. P. 312].

Консервативность лингвистической общественной мысли в Соединенном Королевстве проявляется и в том, что в отличие от ведущих периодических изданий США, таких как *Washington Post*, *The New York Times* и *The Los Angeles Times*, строго придерживающихся политики лингвистической гендерной корректности, британские средства массовой информации, даже центральные издания, допускают андроцентризм в своих публикациях. Вообще, как отмечают исследователи, гендерная демократизация языка в британской журналистике продвигается гораздо медленнее, чем в других областях жизни общества. Газеты предпочитают скорее политику следования привычному, чем исполнение функции формирования гражданских норм и используют только те формы выражения мысли, которые хорошо прижились в общественном сознании [Doyle, 1995. С. 43–44]. Свидетельством отношения к вопросам гендерного равенства в языке со стороны редакций газет и журналов являются их стилистические руководства (*style guides*). Британская ситуация в этом отношении весьма показательна. В этическом кодексе, принятом Национальным союзом журналистов, содержится предписание «не использовать материалы, которые могут способствовать дискриминации по признакам расовой принадлежности, цвета кожи, вероиспове-

дания, пола и сексуальной ориентации». Учрежденный этой организацией Совет по вопросам равенства выпустил руководство по обеспечению паритетных отношений посредством журналистской деятельности [National... 1986] и стилистическое пособие, содержащее рекомендации по употреблению несексистских языковых моделей [National... 1987]. Целью этих документов было «продемонстрировать, как слова и выражения повседневного употребления участвуют в формировании дискриминационного, покровительственного отношения к женщине» [Doyle, 1995. С. 76–78]. Тем не менее некоторые центральные британские издания, как например газеты *Guardian* и *Independent*, до сих пор не имеют четкой политики относительно лингвистической гендерной корректности в своих публикациях. Стилистическое руководство газеты *The Times* 1992 года оговаривает этот вопрос, но подчеркивает, что целью обращения к проблеме языкового сексизма является желание избежать одновременно как оскорбления женского достоинства, так и разрушения целостности некоторых общепринятых языковых форм. В результате такой политики лавирования сомнительные с точки зрения гендерной корректности выражения до сих пор не сходят со страниц этой газеты [Doyle, 1995. С. 44].

Кроме того, необходимо отметить, что усилия по борьбе с лингвистическим сексизмом в Британии долгое время концентрировались на английском языковом материале, в то время как другие национальные языки Соединенного Королевства были включены в процесс реформирования только недавно. И если вопрос о том, что считать лингвистически-дискриминационным употреблением для английского языка является более или менее решенным, то относительно региональных языков – валлийского в Уэльсе, шотландского в Шотландии и гаэльского в Северной Ирландии – он на сегодняшний день еще остается в основном открытым, хотя начало реформированию уже положено.

Так, в Уэльсе «Акт о валлийском языке» в 1993 году обязал организации, которые ранее не пользовались валлийским языком в административном процессе, принимать на некоторые должности специалистов, владеющих национальным языком Уэльса. В связи с этим количество объявлений о трудовых вакансиях, опубликованных на национальном языке, значительно увеличилось. Учитывая новую лингвистическую ситуацию на рынке труда, Комиссия равных возможностей Уэльса разработала специальные пособия, которые, с одной стороны, позволили работодателям рекламировать наличие рабочих мест на валлийском языке в соответствии с гендерным законодательством, а с другой стороны, помогли преодолеть отсутствие доступа населения, говорящего на валлийском языке, к определенным сферам деятельности по причине гендерно-некорректного наименования профессий и должностей [Awbery et al., 2001. P. 323]. Опубликование в 1997 году первой серьезной работы по проблеме гендерного равенства в валлийском языке [Awbery, 1997] способствовало активному публичному диалогу между представителями Комиссии равных возможностей Уэльса и потенциальными работодателями, лингвистами, юристами, учеными из других областей знаний с целью достигнуть консенсуса в вопросе о кор-

ректности и уместности способов рекламирования трудовых вакансий в прессе на валлийском языке. Кроме того, Комиссия санкционировала научный проект «Гендер и валлийский язык», направленный на углубленное изучение влияния Акта о дискриминации по признаку пола на условия жизни как валлийскоязычных, так и других жителей Уэльса [Awbery et al., 2001. P. 323].

Таким образом, несмотря на историческое лидерство Британии в постановке проблемы языкового сексизма как таковой и очевидные начальные достижения феминистского движения в продвижении этого вопроса на государственном уровне, необходимо признать, что сегодня этот процесс нельзя считать удовлетворительным. По признанию английских исследовательниц лингвистического сексизма, это унизительное явление не сдает позиции, а лишь меняет свои формы, приспосабливаясь к новым требованиям политической корректности и приобретая все более изощренные, трудновывяемые и потому ненаказуемые формы [Mills, 2003]. Поэтому встает вопрос о необходимости разработки более эффективных правил лингвистической гендерной корректности в Британии, в частности в сфере трудовых отношений.

Во франкоязычных странах и провинциях успешность гендерно-чувствительного реформирования языка во многом была обусловлена тем, что оно осуществлялось в рамках политических кампаний по достижению гендерного равенства в комплексе вопросов по трудоустройству, социальному обеспечению и доступу к образованию. Использование несексистского языка рассматривалось при этом как необходимое условие в обеспечении социальной справедливости и равных возможностей для женщин и мужчин в обществе.

Ведущая роль в формировании идеологии и программы обеспечения лингвистического равноправия полов во французском языковом ареале принадлежит Канаде, очевидно в силу ее географической близости к США – пионеру гендерно-чувствительного языкового реформирования. Проблема недискриминационного языка в Канаде начала особенно активно разрабатываться в 1970-х годах в академической среде. Сегодня ею занимаются специально созданные комитеты по вопросам гендерного равенства в сфере образования; во многих университетах разрабатывается несексистская языковая политика, которая подразумевает, прежде всего, использование гендерно-корректных методов в преподавании и администрировании университетов [Ehrlich, King, 1998].

В Канаде, как двуязычной стране, проблема гендерной корректности занимает значительное место в реализации государственной лингвистической политики. В конце 1970-х годов федеральное правительство издало ряд документов, направленных на гендерную демократизацию обоих официальных языков страны. Сегодня как в англо-, так и во франкоязычных провинциях Канады собственные руководства по недискриминационному использованию языка имеют большинство предприятий, организаций, учебных заведений, правительственных учреждений и даже частных фирм. Их двуязычные издания широко используются в общенациональных корпорациях и ассоциациях, например компаниями *Air Canada*, *Hydro-Quebec*, *Justice Canada*, Офи-

сом по трудоустройству и иммиграции Канады, Федерацией работников образования [Congick, 2002. P. 209]. Пользуются ими и издательства центральных канадских газет и журналов, таких как *Toronto Star* и *Globe and Mail*.

Успех и относительная легкость реализации гендерных реформ в языковой политике Канады ускорили их осуществление во Франции, где этот процесс долгое время сдерживался противостоянием профеминистской группы в правительственных структурах и консервативной части научного сообщества. Хотя первые попытки осмысления негативного эффекта сексистского языка, принятые в работах Э. Сиксу, Л. Иригарей и М. Ягелло, датируются еще началом 1970-х годов, дебаты по этому поводу не утихают во Франции до сих пор. Своеобразие социально-культурного контекста гендерно-демократических преобразований в языковой политике этой страны заключается в том, что инициатива их проведения принадлежала социалистическому правительству Франции, но встретила яростное сопротивление со стороны патриархально настроенного руководства Французской академии наук (ФАН). В 1984 году на основании правительственного декрета была создана «Комиссия по феминизации названий профессий», больше известная как «Комиссия Руди» по имени ее основательницы Иветт Руди, министра по правам женщин [Gervais, 2001]. В задачи комиссии, состоявшей из семи лингвистов во главе с известной писательницей Б. Грульт, входило прежде всего выявление тех профессий, в названиях которых отсутствовал женский эквивалент, затем формулирование правил для создания таких названий и, наконец, составление новых терминов для случаев, где применение этих правил могло быть затруднено или невозможно. Конечной целью комиссии было преодоление «лингвистической невидимости» женщины во французском языке и в частности в профессиональных сферах его функционирования [Houdebine-Gravaud, 1994. P. 40]. Хотя комиссия полностью справилась с поставленными задачами, результаты ее работы долгое время не применялись на практике, так как разработанные ею стратегии феминизации языка были раскритикованы в прессе противниками реформы в лице представителей президиума ФАН. Успех реформы стал реальным только спустя десятилетие, когда в правительство Франции вошло семеро женщин, настоявших, чтобы название их должностей соответствовало их полу. Несмотря на сопротивление ФАН, обращение «мадам министр» (*Madame la Ministre*) было официально утверждено при полной поддержке как премьер-министра, так и президента Франции. Это способствовало ускорению легитимизации списка женских названий профессий, разработанного ранее «Комиссией Руди» [Vint, 2001].

В других европейских франкоязычных странах, в частности Бельгии и Швейцарии, задача формирования лингвистической гендерной этики общества осуществлялась в рамках реализации политики равных возможностей. Во франкоязычном кантоне Женевы в Швейцарии в 1988 году был принят закон, требовавший соблюдения гендерной нейтральности в языке объявлений о приеме на работу [Decamps, 2001. P. 190], а в 1991 году Швейцарская федеральная комиссия издала «Руководство по несексистскому использова-

нию языка законодательных и административных актов». В Бельгии в 1987 году был принят закон, запрещающий указание пола требуемых работников в официальных объявлениях о трудоустройстве, а в 1994 году было издано первое руководство по употреблению несексистского языка.

В немецком языковом ареале феминистская точка зрения на андроцентричный язык привлекла серьезное внимание как правительственных органов, с одной стороны, так и общественности и исследователей, с другой стороны. Поэтому гендерное реформирование языка протекало здесь достаточно активно и результативно. Научное исследование проблемы лингвистического равенства полов в немецком языке наиболее интенсивно проходило в первой половине 1980-х годов [Hellinger, 1980; Pusch, 1984; Trömmel-Plötz, 1986], однако первый официальный документ по гендерно-корректному языку появился только в 1993 году, когда под эгидой ЮНЕСКО было опубликовано руководство по несексистскому использованию на немецком языке, с переводом на французский [Hellinger, Vierbach, 1993]. По мнению специалистов, влияние женского движения на немецкий язык проявилось главным образом в феминизации названий профессий, что внесло существенный вклад в визуализацию женщины в современном немецком обществе. В частности, появилось много слов, содержащих женский компонент, например Flugzeugbauernin – «женщина-авиаконструктор», Bundeskanzlerin – «женщина-федеральный канцлер», Soldatin – «женщина-солдат» [Bussmann, Hellinger, 2001. P. 165].

В рамках осуществления языковой реформы еще в социалистической Восточной Германии активистки женского движения настояли, чтобы в справочных изданиях, в частности словарях и энциклопедиях, гендерно-дискриминационные языковые модели были заменены их несексистскими эквивалентами. Наряду с этим активно создавалась новая фразеология, которая была призвана отразить положительное отношение к женщине и тем самым повысить ее статус в обществе. В Австрии правила лингвистической гендерной корректности отражены в специальном сборнике правил Kreativ Formulieren, опубликованном в 1997 году [Kargl, Wetschanow et al., 1997]. В Западной Германии отдельный параграф Гражданского кодекса предписывает издателям принимать к публикации исключительно нейтральные, с точки зрения пола и возраста, объявления о трудовых вакансиях. В 1988 году в Бундестаге проводились специальные слушания по вопросу гендерно-корректного оформления языка принимаемых законодательных актов. Сейчас при этом государственном органе действует рабочая группа специалистов, занимающихся гендерной экспертизой языка официальных документов.

В Италии формирование гендерной чувствительности общества в сфере языковой деятельности началось несколько позже, чем в других индустриально развитых странах Европы. Тем не менее, как и во Франции, идея осуществления реформы языка получила здесь мощное лобби в лице правительства и административных структур, хотя поначалу она держалась на индивидуальных усилиях и энтузиазме исследовательницы А. Сабатини. В 1985 году в докладе на меж-

дународной конференции по феминистской лингвистике она подняла вопрос о сексистских тенденциях в наименовании профессий в итальянском языке [Sabatini, 1985], тем самым инициировав дискуссию о лингвистическом равноправии полов в Италии. Кроме того, ей удалось убедить в актуальности этого вопроса представителей Национальной комиссии по обеспечению равенства мужчин и женщин, под эгидой которой была издана серия публикаций по вопросу несексистского использования итальянского языка, прежде всего работы самой А. Сабатини [Sabatini 1986; Sabatini 1987; Pace 1986]. Несмотря на то, что эти работы намного опередили как публичное обсуждение проблемы гендерного равенства в языке, так и ее всестороннее научное изучение и выражали лишь индивидуальную позицию их авторов, они сыграли важную роль в формировании общественного мнения по данной проблеме, так как высказанные в них предложения по феминизации итальянского языка нашли поддержку лексикографов и издателей и были отражены в справочных изданиях. Так, на их основе в 1994 году в Италии был издан «Гендерный словарь итальянского языка», а в новое издание «Словаря итальянского языка» в 1995 году были включены женские формы названий для традиционно мужских профессий.

Тем не менее итальянские исследователи с сожалением отмечают, что официальные органы, ответственные за реализацию политики равных возможностей в Италии, так и не разработали эффективных стратегий для решения проблемы гендерной корректности в языке. В частности, указывают на три основные причины отсутствия прогресса в этой области [Marcato, Thüne, 2001. P. 210]. Первая связывается с консервативностью традиционных норм функционирования итальянского языка, сопротивляющихся формированию в нем несексистских тенденций. Вторая обусловлена влиянием англо-американской лингвистической традиции, усилению которого способствовали социокультурные процессы в Италии последних 30 лет. В результате этого влияния «немаркированные» мужские формы были признаны в качестве предпочтительных норм гендерной корректности в итальянском языке. И последняя причина объясняется критическим и даже саркастическим отношением научного сообщества к трудам Альмы Сабатини, усилиями которой были осуществлены первые, видимо не вполне успешные, попытки гендерной ревизии языковых практик в современной Италии.

Достаточно результативно языковая реформа на гендерных принципах проходила в Скандинавских странах, представительницы которых совместно с коллегами из Канады первыми поставили на международном уровне вопрос о неприемлемости лингвистического сексизма, инициировав его обсуждение в ЮНЕСКО. Эффективность гендерных реформ в языках Скандинавских стран – главным образом шведском и норвежском – является отражением высокого уровня гендерной демократии в Северной Европе в целом.

В Норвегии правила гендерной лингвистической корректности утверждаются Языковым советом Норвегии, который впервые официально поставил вопрос об андроцентризме в языке еще в 1980 году, хотя до этого он уже под-

нимался министерством по делам церкви и образования [Bull, Toril, 2001. P. 244]. В соответствии с официальной политикой Совета норвежские женщины пользуются свободой выбора фамилии после вступления в брак и, как правило, предпочитают оставлять свою девичью фамилию. Кроме того, закон Норвегии от 1980 года оговаривает, что дети в семье, где родители имеют разные фамилии (что сегодня является довольно частым явлением), автоматически наследуют фамилию матери, если, конечно, это не противоречит решению самих родителей [Romaine, 1999. P. 306]. Активные трансформации в соотношении полов на рынке труда повлекли существенные изменения в наименовании профессий. Однако в отличие от других европейских языков эти изменения затронули не только женщин, но и мужчин. Сегодня в норвежском языке наиболее приемлемыми для обозначения должностей наивысшего уровня профессиональной иерархии считаются гендерно-нейтральные формы [Romaine, 1999. P. 307].

Гендерная эволюция шведского языка, хотя во многом и сходна с норвежской, имеет свою специфику, так как развивалась неравномерно. В частности, первая волна интереса к вопросу лингвистического равноправия женщин и мужчин приходится здесь на 1970-е годы, когда его обсуждение сконцентрировалось в феминистской прессе. Вторая волна последовала в 1990-е годы и привлекла внимание общественности и государственных органов. Этот вопрос обсуждался и в шведском парламенте, утвердившем официальные рекомендации по вопросу гендерной корректности в языке. Сегодня в центральной шведской прессе специфически женские формы в названии профессий выходят из употребления. Например, такие формы, как *lärarinna* (учительница) или *författarinna* (писательница) заменяются нейтральными *lärare* и *författare*. Тем не менее в тех случаях, когда нейтральные формы отсутствуют, в функции обобщенно-гендерных терминов для обозначения представителей обоих полов используются женские формы, например *sjuksköterska* (нянечка), *kassörska* (кассирша) [Romaine, 1999. P. 307].

В последнее время многие профессиональные лингвисты относятся к проблеме лингвистического сексизма довольно скептически, считая ее либо несущественной, либо решенной, хотя асимметрии в лингвистической репрезентации полов в шведском языке остаются. Определенную стагнацию в гендерно-чувствительной реформе языка исследователи связывают с ослаблением внимания к вопросу гендерной дискриминации в целом. Это объясняется общепринятым и обоснованным мнением о шведской системе гендерной демократии как наиболее развитой в мире [Hornscheidt, 2001]. Это тем не менее не означает, что нерешенных проблем в осуществлении политики равных возможностей не осталось.

Первые работы о гендерной дискриминации в испанском языке появились еще в конце 1970-х годов [Meseguer, 1977]. Но на официальном уровне этот вопрос был поставлен только в 1980-х годах в Пуэрто-Рико, где было сформулировано требование лингвистической инклюзивности обоих полов в текстах объявлений о трудоустройстве. В Испании интерес к этой проблеме

возник только в конце 1980-х – начале 1990-х годов [Gibbon, 1999. P. 79]. Первое руководство по недискриминационному использованию испанского языка было издано по инициативе министерства образования и науки Испании в 1988 году, а в 1990 году был опубликован испанский вариант руководства ЮНЕСКО по несексистскому языку [Nissen, 2002. P. 268]. За этими изданиями последовали и другие, и сегодня собственные рекомендации имеются даже в ряде региональных учреждений Испании. В то же время многие исследователи отмечают, что подход к гендерно-чувствительному реформированию языка, предложенный официальными органами, вызвал шквал обоснованной критики со стороны как научной, так и гражданской общественности, и сегодня по этому вопросу до сих пор ведется активная дискуссия, и следует признать, что более или менее четких стратегий в решении этого вопроса пока не выработано.

Гендерная либерализация языка в других регионах мира и в международных организациях

Попытки гендерного лингвистического реформирования, хотя в разных масштабах и с разной степенью успешности, были осуществлены и на материале других языков мира. В последнее время документация проявлений сексизма распространилась на африканские, восточные, славянские и другие группы языков: китайский [Ettner, 2001], японский, тайский [Pauwels, 1998. P. 16–17; Shibamoto-Smith, 2001], греческий [Pavlidou, 2001], иврит [Spolsky, 1998. P. 38; Tobin, 2001] и другие. Вопрос о необходимости преодоления андроцентричности современных языковых практик в Центральной и Восточной Европе поднимается исследователями румынского [Maurice, 2001; Miroiu, 1998], сербского [Hentschel, 2001], польского [Koniuszaniec, Blaszkowska, 2001], чешского [Smejrkova, 2001], русского [Денисова, 2002; Толстокорова, 2004], украинского [Fomenko, 2002; Толстокорова, 2002] и литовского [Kaledaite, 1995] языков. В целом следует отметить, что движение за лингвистическое равноправие полов расширяется сегодня в основном за счет развивающихся стран, осваивающих основы гендерной демократии.

Этот процесс затронул и крупные межправительственные организации. В рамках ЮНЕСКО он был впервые поставлен в 1987 году на 24-й Генеральной конференции этой организации, а уже на 25-й конференции в 1989 году была принята резолюция о недопустимости гендерно-дискриминационных моделей в языке, впоследствии дополненная новыми поправками на 26-й и 28-й конференциях [UNESCO, 1999. P. 3–4]. В 1990 году Советом Европы был принят специальный документ [European Commission, 1990], рекомендовавший устранять проявления лингвистического сексизма. Он содержал признание взаимосвязи между языком и социальными установками в обществе и призыв к средствам массовой информации придерживаться принципов лингвистической гендерной корректности. В июле 1998 года Организация Объединенных Наций (ООН) издала директиву относительно гендерной корректности в ее офи-

циальном языке [United Nations Organisation, 1998]. В январе 2003 года был опубликован документ Комитета по правам женщин и равных возможностей Европарламента, в котором подчеркивалась необходимость принятия мер для преодоления лингвистического сексизма как явления, препятствующего достижению паритета женщин и мужчин [European Parliament, 2003].

Глобальные проблемы гендерно-чувствительного лингвистического реформирования

Как и женское движение в целом, движение за гендерную справедливость в языке имело разную степень успешности в достижении своих целей в разных обществах. Но его успехи продемонстрировали значительные изменения в общественном гендерном сознании в пореформенный период. Главным результатом гендерно-чувствительного лингвистического планирования является то, что посредством его осуществления в обществе были созданы нормы гражданской морали, общепринятые правила политической корректности, предполагающие уважение к человеческой личности, в первую очередь женской, на всех уровнях социальных отношений, даже на таких сложно контролируемых, как язык и лингвистическое мышление.

В то же время следует признать, что несмотря на все достижения в области преодоления гендерной лингвистической дискриминации, остается еще целый ряд вопросов, требующих своего решения. В частности, даже в тех государствах, где феминистская реформа языка имела успех, гендерные нормы лингвистической корректности не всегда кодифицированы, законодательно не закреплены или же их действие ограничивается сферой трудовых отношений, не охватывая другие области функционирования языка. В результате создается глобальная законодательная лакуна, позволяющая игнорировать правила лингвистической гендерной корректности. Следовательно, назрела необходимость в разработке международных правовых норм, которые гарантировали бы реализацию достижений общественного прогресса в области лингвистического равноправия полов. Следует иметь в виду, что само по себе введение и распространение гендерно-симметричных языковых моделей не гарантирует недискриминационный характер использования языка [Ehrlich, King, 1998]. В этом смысле нельзя не согласиться с мнением [Markovitz, 1984], что до тех пор, пока новые правила гендерной лингвистической корректности не будут институционализированы, пока они не будут введены в обязательном порядке, реакция со стороны официальных органов будет минимальной. Хотя уже сегодня ощутим весьма существенный прогресс в повышении гендерной чувствительности массового лингвистического сознания, потребуется, очевидно, еще не одно поколение реформ, чтобы предлагаемые изменения прочно вошли в ресурсы языков мира.

Таким образом, проблема лингвистической дискриминации по признаку пола не может больше оставаться вопросом локального значения, а ее решение не может ограничиваться рамками национальной языковой политики

отдельных государств. Это – глобальная проблема, требующая универсального, комплексного решения, и, следовательно, она должна регулироваться не отдельными административными актами на уровне внутренней политики, а международными нормами права. Во-первых, уже сам факт признания лингвистической формы гендерной дискриминации требует постановки вопроса о нарушении лингвистических прав человека по признаку пола. Во-вторых, учитывая роль лингвистического аспекта гендерной дискриминации в нарушении социальных и экономических прав женщин, необходимо рассматривать языковой сексизм не только как нарушение этических и административных норм в отдельно взятых странах, но прежде всего как нарушение фундаментальных прав личности в глобальном масштабе.

Следовательно, в более широком контексте следует говорить об актуальности признания гендерных лингвистических прав в качестве самостоятельного аспекта прав человека, который должен получить как национально-специфическое, так и глобальное решение. При этом следует определять гендерное лингвистическое право как право личности на репрезентацию своей гендерной принадлежности в языке, речи и коммуникации. Иными словами, женщины и мужчины должны получить равные права на представленность своих групповых гендерных признаков в лингвистическом капитале общества. Это право должно быть признано как независимое, самостоятельное, подлежащее судебному опротестованию и гарантируемое каждому индивиду, а его нарушение должно сопровождаться применением штрафных санкций. Таким образом, необходимо на уровне международного права поставить вопрос о рассмотрении гендерных лингвистических прав в числе основных прав человека, что потребует глубокой теоретической разработки данной проблемы, ее формулирования в средствах массовой информации, вынесения на обсуждение общественностью и лоббирования на уровне принятия решений.

Актуальность проблемы гендерной демократизации языка в постсоветских государствах

На постсоветском пространстве лингвистический аспект гендерной справедливости еще не привлек к себе специального внимания. Обсуждение этого вопроса на страницах научных и популярных изданий имеет спорадический характер и отражает лишь индивидуальные позиции авторов. В то же время в документах Совета Европы подчеркивается, что поскольку в языке как в зеркале отражается отношение общества к проблеме гендерного равноправия, то уже сам факт признания социумом наличия в его языке сексистских тенденций является важным шагом на пути преодоления гендерной дискриминации и продвижения к истинной демократии [Council of Europe, 1995]. Демократический путь развития, избранный новыми независимыми государствами, не может осуществляться успешно, если не будут соблюдаться принципы гендерной демократии во всех формах ее проявления, в том числе лингвис-

тической. Поэтому сегодня следует официально признать наличие сексистских тенденций в национальных языках постсоветских государств и донести до сознания широкой общественности идею существования лингвистической дискриминации по признаку пола, нарушающую основные права человека. Для решения этих задач необходим комплексный подход к проблеме лингвистического гендерного равенства на всех возможных уровнях ее решения.

Задача очищения языка от проявлений сексизма является сегодня актуальной для всего постсоветского пространства и поэтому ее решение должно стать делом ближайшего будущего. Для этого потребуются консолидация усилий всего общества – активистов правозащитных организаций, женской общественности, средств массовой информации, представителей издательских компаний, государственных органов, исследователей разных областей знания: лингвистов, юристов, культурологов, социологов и всех, кто заинтересован в демократических преобразованиях в посткоммунистических странах.

Актуальность гендерного подхода к языковому планированию в новых независимых государствах, ставших на путь демократического развития, подтверждается его результативностью в тех странах, где осуществлялись гендерно-чувствительные лингвистические реформы. Уже в 1990-х годах изучение языковых изменений показало, что настойчивая и продолжительная деятельность феминистских организаций оказала существенное влияние на язык. Исследования, проведенные на материале английского языка в США, Новой Зеландии, Австралии и Канаде и немецкого языка в Западной Германии [Cooper, 1984; Ehrlich, King, 1992; Pauwels, 1999], продемонстрировали существенные изменения в гендерном общественном сознании и повышение гендерной чувствительности общества, произошедшие в пореформенный период. В частности, зафиксировано значительное уменьшение количества гендерно-маркированных лексических и грамматических форм в прессе, в первую очередь молодежной. Сегодня есть основания утверждать, что несексистские практики являются лингвистической нормой в тех странах, где было осуществлено феминистское языковое реформирование [Weatherall, 2002. С. 12]. Как отмечает британская исследовательница Д. Камерон, многие из тех, кто несколько лет назад даже не задумывался о существовании данной проблемы, сегодня признают существование сексистского и несексистского языков, а гендерно-нейтральные модели все чаще и чаще становятся обычными в языке прессы [Cameron, 1985. С. 73].

Сразу же хотелось бы предостеречь от возможности неадаптированного использования в национальном языковом реформировании тех методов, которые были наработаны в практике гендерных языковых преобразований в других странах. Такой подход может полностью нивелировать саму идею гендерной демократизации языковых ресурсов в том или ином обществе. Каждая языковая культура обладает своей уникальной, исторически сложившейся гендерной идентичностью, и ее коррекция в сторону демократизации требует тончайшего аутентичного методологического инструментария. Важно иметь в виду, что гендерные языковые ситуации могут существенно разли-

чаться даже в тех национальных культурах, которые пользуются одним и тем же языком. Следовательно, и стратегии гендерных лингвистических преобразований также должны разрабатываться в строгом соответствии с особенностями лингвистических и социальных реалий конкретной языковой ситуации. Например, рекомендации по несексистскому употреблению английского языка, разработанные американскими исследователями, часто оказываются неприемлемыми даже применительно к условиям функционирования того же английского языка в Великобритании [Cameron, 1998].

Следует иметь в виду и то, что лексико-грамматическая организация языка сама по себе диктует возможности для большей или меньшей степени свободы в осуществлении гендерного лингвистического реформирования. В связи с этим Г. Яворская отмечает, что гендерная реформа такого плана, как та, что имела место в языках со скрытой (имплицитной) грамматической категорией рода, в частности в английском, лишена смысла в языках с обязательной (грамматически выраженной) категорией рода – в украинском, русском, французском, итальянском – и совершенно невозможна в языках, не имеющих категории рода, например, китайском [Яворська, 2000].

Кроме того, учитывая опыт зарубежных коллег, следует помнить о том, что в силу консервативности общественного лингвистического сознания любое посягательство на глубоко укоренившиеся стереотипы языковой деятельности, а тем более системы языка, вызывает естественное сопротивление со стороны его носителей. Поэтому необходимо продумать постепенное, поэтапное внедрение антисексистских моделей в языковую практику, поскольку массивные кардинальные изменения лингвистического гендерного сознания могут привести не только к сопротивлению предлагаемым коррекциям, но и к полному их отторжению и дать результат, обратный ожидаемому. Внедрение несексистских практик использования языка нужно начинать с формирования гендерной лингвистической чувствительности и грамотности общества посредством образовательных акций, направленных на изменение гендерного сознания в целом.

Заключение

В конце прошлого столетия женское движение убедительно продемонстрировало, что ущемление прав мужчин и женщин в сфере языковой деятельности, как и в любой другой сфере жизни, неизбежно ведет к подавлению личности. Это вызвало особый интерес исследователей к изучению трихотомии «язык / гендер / власть» и инспирировало феминистское языковое реформирование, направленное на устранение лингвистического неравенства женщин и мужчин. Последние десятилетия XX столетия характеризовались своеобразным гендерным поворотом в формировании языковой политики и планировании индустриально развитых стран. Сегодня есть основания рассматривать этот процесс как международное общественное движение за гендерное равноправие в языке и коммуникации, рамки которого постоянно расши-

ряются в соответствии с эволюцией идей гендерной демократии в современном мире. Инициированное второй волной феминистского движения в англоязычных странах, оно достаточно быстро распространилось и на другие языковые ареалы, включая скандинавский, германский, романский.

В последние годы проблема языкового сексизма начинает привлекать к себе внимание исследователей восточных и славянских языков, главным образом в тех странах, где институциализирован феминистский дискурс. Таким образом, история гендерного реформирования лингвистических ресурсов движется в направлении с запада на восток. При этом, если на Западе пик общественного интереса к этой проблеме пришелся на 1970–80-е годы, и сегодня она практически утратила свою актуальность, то в Восточной и Центральной Европе, особенно в контексте расширения Европейского сообщества на восток, она только сейчас начинает приобретать политическую и экономическую остроту. Поэтому в нынешней социально-политической ситуации особую актуальность приобретает изучение международного опыта утверждения принципов гендерной справедливости в языке, так как его критическое использование позволит предвидеть и предотвратить возможные проблемы гендерно-чувствительного языкового реформирования на постсоветском пространстве.

Следует иметь в виду, что кодируемые посредством языка мировоззренческие и идеологические установки как правило не осознаются его носителями в результате их естественной склонности воспринимать мир через призму общепринятых социальных стереотипов. Поэтому и сексистские модели часто воспринимаются социумом всего лишь как требования здравого смысла по причине их относительной невидимости в повседневном дискурсе и неосознанности. Следовательно, для устранения гендерных асимметрий в языке обществу необходимо в первую очередь осознать и признать сам факт его существования как явления, провести всестороннее исследование моделей асимметричной репрезентации женской и мужской языковой парадигмы, изучить возможные способы их функционирования. И наконец, самой главной задачей является разработка комплексной программы действий, направленной на искоренение сексистских тенденций из языковых практик общества.

Список литературы

Денисова А. Язык вражды в российских СМИ: гендерное измерение // *Женщина плюс*. 2002. № 4 / <http://win.mail.ru/cgi-bin/>.

Толстокорова А. Гендерный подход к лингвистическим правам человека и государственная языковая политика // *Формування гендерного паритету в контексті сучасних соціально-економічних перетворень / Матеріали міжнародної науково-практичної конференції*. Київ, 5–7 грудня 2002. С. 187–190.

Толстокорова А. «Лингвистическое выражение» гендера: Результаты и перспективы демократических реформ // *Женщины в истории: возможность быть увиденными*: Сб. науч. ст. / Под ред. И. Р. Чикаловой. Минск.: БГПУ, 2004. Вып. 3. С. 50–71.

- Hellinger M.* Контрастивная феминистская лингвистика // Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия. Тверь, 1999. С. 91–98.
- Яворська Г.* Прескриптивна лінгвістика як дискурс: мова, культура, Влада. Київ: ВІПОЛ, 2000.
- Awbery G.* The «Sex discrimination act» and the use of Welsh in the workplace. Cardiff: Equal Opportunities Commission, 1997.
- Awbery G., Jones K., Morris D.* The politics of language and gender in Wales // Gender Across Languages: The Linguistic Reresentation of Women and Men / M. Hellinger, H. Bussmann (Eds). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 2. P. 313–330.
- Bolinger D.* Language – the Loaded Weapon. London: Longman, 1980.
- Bull T., Toril S.* The Representation of Gender in Norwegian // Gender Across Languages. The Linguistic Representation of Women and Men / M. Hellinger, H. Bussmann (Eds). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 2. P. 219–249.
- Burr E.* Gender and language politics in France // Gender Across Languages: The Linguistic Representation of Women and Men / M. Hellinger, H. Bussmann (Eds). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 3. P. 119–139.
- Bussmann H., Hellinger M.* Engendering femlae visibility in German // Gender Across Languages: The Linguistic Representation of Women and Men / M. Hellinger, H. Bussmann (Eds). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 3. P. 141–174.
- Cameron D.* Feminism and Linguistic Theory. London: Macmillan, 1985.
- Cameron D.* Verbal Hygiene. London: Routledge, 1995.
- Cameron D.* Lost in Translation: Non-Sexist Language // The Feminist Critique of Language: A Reader / D. Cameron (Ed.). London; New York: Routledge, 1998. P. 155–163.
- Cmejrkova S.* Communicating gender in Czech // Gender Across Languages: The Linguistic Representation of Women and Men / M. Hellinger, H. Bussmann (Eds). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 3. P. 27–57.
- Conrick M.* Language Policy and Gender Issues in Contemporary French // French in and out of France: Language Policies, Intercultural Antagonism and Dialogue / Kamal Salhi (Ed.). New York: P. Lang, 2002. P. 205–235.
- Cooper R.* The avoidance of androcentric generics // International Journal of the Sociology of Language. 1984. № 50. P. 5–20.
- Council of Europe.* Equality and Democracy: Utopia or Challenges? Materials of the European Conference. Strasbourg, 9–11 February, 1995.
- Decamps S.* Faut-il féminiser les termes de profession? L'interprétation des offres d'emploi // La langue Française au féminin: Le sexe et le genre affectent-ils la variation linguistique? / Nigel Armstrong et al. avec la collaboration de Marielle Bruyninckx (Eds). Paris: L'Harmattan, 2001. P. 189–204.
- Doyle M.* The A-Z of Non-Sexist Language. London: Women's Press, 1995.
- Dor D.* From Englishization to Imposed Multilingualism: Globalization, the Internet, and the Political Economy of the Linguistic Code // Public Culture. 2003. Vol. 18. № 1. P. 97–118.
- Dunant S.* Introduction. What's in a Word? // The War of the Words: the Political Correctness Debate / Sarah Dunant (Ed.). London: Virago, 1994. P. VII–XV.
- Ehrlich S., King R.* Gender-based language reform and the social construction of meaning // Discourse and Society. 1992. № 3. P. 151–166.

Ehrlich S., King R. Gender-based language reform and the social construction of meaning // *The Feminist Critique of Language: A Reader* / D. Cameron (Ed.). London; New York: Routledge, 1998. P. 164–178.

Eitner Ch. In Chinese, men and women are equal – or – women and men are equal? // *Gender Across Languages: The Linguistic Representation of Women and Men* / M. Hellinger, H. Bussmann (Eds). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 2. P. 29–55.

European Commission. Recommendation № R (90) 4 of the Committee of Ministers to member states on the elimination of sexism from language and explanatory memorandum. 1990.

European Parliament. Opinion of the Committee of Women's Rights and Equal Opportunities for the Committee of Culture, Youth, Education, the Media and Sport on the Commission Communication to the Council, the European Parliament, the Economic and Social Committee and the Committee on the regions on an information and communication strategy for the European Union (COM (2002) 350 – C5-0506/2002 – 2002/2205(TNI). 2003. January 28.

Fomenko E. Linguistic Portrayal of Women in Ukrainian Online Newspapers // *Identity, Culture, and Language Teaching*. Iowa City, Iowa: Center for Russian, East European and Eurasian Studies of the University of Iowa, 2002. P. 101–111.

Ford F. et al. Out of the darkness: paths to inclusive worship. Melbourne: Language and Gender Liturgy Task Group, 1987.

Gervais M.-M. «Le Monde» et la féminisation des titres: étude comparative // *La langue Française au féminin. Le sexe et le genre affectent-ils la variation linguistique?* / Armstrong Nigel, Cecile Bauvois et Kate Beeching avec la collaboration de Marielle Bruyn (Ed.). Paris: L'Harmattan, 2001. P. 189–204.

Gibbon M. Feminist perspectives on language. London; New York: Addison Wesley Longman, 1999.

Graddol D., Swann J. Gender Voices. Oxford; Cambridge: Basil Blackwell, 1989.

Graham A. The making of non-sexist dictionary // *Language and Sex: Difference and Dominance* / Barrie Thorne, Nancy Henley (Eds). Rowley, Massachusetts: Newbury House, 1975. P. 57–63.

Hellinger M. «For men must work, and women must weep»: sexism in English language textbooks used in German schools // *Women's Studies International Quarterly*. 1980. Vol. 3. № 2/3. P. 267–283.

Hellinger M. Revising the patriarchal paradigm. Language change and feminist language politics // *Language, Power and Ideology. Studies in Political Discourse* / Ruth Wodak (Ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1989. P. 273–288.

Hellinger M., Bierbach Ch. Eine Sprache für beide Geschlechter: Richtlinien für einen nicht-sexistischen Sprachgebrauch. Bonn: Deutsche Unesco-Kommission, 1993 (in French translation: Pour un langage non sexiste [Guidelines on non-sexist language]. Paris: Unesco, 1989).

Hentschel E. The expression of gender in Serbian // *Gender Across Languages: The Linguistic Representation of Women and Men* / M. Hellinger, H. Bussmann (Eds). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 3. P. 287–309.

Hornscheidt A. Linguistic and public attitudes towards gender in Swedish // *Gender Across Languages: The Linguistic Representation of Women and Men* / M. Hellinger, H. Bussmann (Eds). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 3. P. 339–368.

Houdebine-Gravaud A.-M. Des femmes et de leur nom: A propos de représentations et de désignations // *Présence francophone (grammaire, langage et féminisme)*. 1994. № 45. P. 23–48.

Kaledaite V. Language and gender in Lithuania: past and present // Nordlyd. 1995. № 23. P. 62–69.

Kargl M., Wetschanow K., Wodak R., Perle N. Kreatives Formulieren. Anleitungen zu geschlechtergerechtem Sprachgebrauch. Schriftenreihe der Frauenministerin 13. Wien: Bundesministerium für Frauenangelegenheiten und Verbraucherschutz, 1997.

Key Mary R. Male / Female: With a comprehensive biography. London: Lanham. MD, 1986.

Kibbee D. A. (Ed.). Language Legislation and Linguistic Rights. Selected proceeding of the Language Legislation and Linguistic Rights Conference, the University of Illinois at Urbana-Champaign, March 1996. Amsterdam; Philadelphia, 1996.

Koniuszaniec G., Blaszkowska H. Language and gender in Polish // Gender Across Languages: The Linguistic Representation of Women and Men / M. Hellinger, H. Bussmann (Eds). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 3. P. 259–285.

Kontra M., Phillipson R., Skutnabb-Kangas T., Varady T. (Eds). Language, a right and a resource: Approaching linguistic human rights. Budapest; New York, 1999.

Marcato G., Thüne E.-M. Gender and female visibility in Italian // Gender Across Languages: The Linguistic Representation of Women and Men / M. Hellinger, H. Bussmann (Eds). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 2. P. 187–217.

Markowitz J. The impact of the sexist-language controversy and regulation on language in university documents, In: Psychology of Women Quarterly, 1984. № 8. P. 337–347.

Maurice F. Deconstructing gender – The case of Romanian // M. Hellinger, H. Bussmann (Eds). Gender Across Languages: the Linguistic Representation of Women and Men. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 1. P. 229–252.

Meseguer A.G. Lenguaje y discriminaciyn sexual. Madrid: Montesions, 1984 [1977].

Miller C., Swift K. The Handbook of Non-sexist Writing: For Writers, Editors and Speakers. London: Women's press, 1974.

Miller C., Swift K. Words and Women. Garden City, N.Y.: Anchor Press, 1977 [1976].

Mills S. Third Wave Feminism and the Analysis of Sexism // Discourse Analysis online (received January 2003) / <http://www.shu.ac.uk/schools/cs/teaching/slm/mills/third.html> (Stand 20.03.2004).

Miroiu M. Dimensiunea de gen a educatie // Inevista. 1998. № 22. Vol. 8. P. 19–25.

National Union of Journalists. Images of Women: Guidelines for Promoting Equality through Journalism, NUJ Equality Council. London, 1986.

National Union of Journalists. Equality Style Guide. London: NUJ Equality Council, 1987.

Nissen U. K. Gender in Spanish: tradition and innovation // Gender Across Languages: The Linguistic Representation of Women and Men / M. Hellinger, H. Bussmann (Eds). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 2. P. 251–279.

Pace R. Immagini maschilli e femminili nei testi per le elementari, Roma: Presidenza del Consiglio dei Ministri, 1986.

Pavlidou Th.-S. Women, gender and modern Greek // Gender Across Languages: The Linguistic Representation of Women and Men / M. Hellinger, H. Bussmann (Eds). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 3. P. 175–199.

Pauwels A. Women and Language in Australian Society // Women and Language in Australian and New Zealand Society / Anne Pauwels (Ed.). Sydney: Australian Professional Publications, 1987. P. 7–31.

Pauwels A. Women Changing Language. London: Longman, 1998.

- Pauwels A.* Feminist Language Planning: Has it been Worthwhile? // *Linguistik online*. 1999. № 2 / <http://viadrina.eu-frankfurt.de/~wjournal/> (Stand 01. 12. 2003).
- Phillipson R.* (Ed.). *Right to language: Equity, power and education*. Mahwan, NJ., 2000.
- Pusch L. F.* *Das deutsche als Männersprache: Aufsätze und Glossen zur feministischen Linguistik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984.
- Romaine S.* *Communicating Gender*. London: Lawrence Erlbaum Associates: Publishers, 1999.
- Sabatini A.* Occupational Titles in Italian: Changing Sexist Usage // *Sprachwandel und feministische Sprachpolitik: Internationale Perspektiven* / Marlis Hellinger (Ed.). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1985. P. 64–75.
- Sabatini A.* *Raccomandazioni per un uso non sessista della lingua italiana*. Roma: Presidenza del Consiglio dei Ministri, 1986.
- Sabatini A.* *Il sessismo nella lingua italiana*. Roma: Presidenza del Consiglio dei Ministri, 1993 [1987].
- Shibamoto-Smith J. S.* Gendered structures in Japanese // *Gender Across Languages: The Linguistic Representation of Women and Men* / M. Hellinger, H. Bussmann (Eds). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 3. P. 201–225.
- Skutnabb-Kangas T., Phillipson R.* Linguistic human rights, past and present // *Linguistic Human Rights: Overcoming Linguistic Discrimination* / T. Skutnabb-Kangas, R. Phillipson in collaboration with M. Rannut (Ed.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 71–110.
- Spolsky B.* *Sociolinguistics*. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Tobin E.* Gender switch in Modern Hebrew // *Gender Across Languages: The Linguistic Representation of Women and Men* / M. Hellinger, H. Bussmann (Eds). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 1. P. 177–198.
- Tollefson J. W.* *Planning language, planning inequality: language policy in the community*. London, 1999 [1991].
- Trömmel-Plötz S.* *Frauensprache – Sprache der Veränderung*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenb. Verl., 1986.
- UNESCO.* *Guidelines on gender-neutral language*. Paris: UNESCO, 1999 (third edition).
- United Nations Organization.* *Editorial directive on gender-neutral language*. 1998. July.
- Weatherall A.* *Gender, Language and Discourse*. Routledge: Taylor and Francis Group, 2002.

Алиса Валерьевна Толстокова
к. ф. н., доцент, приглашенный специалист
Центра гендерных исследований,
Стокгольмский университет, Швеция

электронная почта: alicetol@yahoo.com
